

Вся прелесть дешевой драмы в том и заключается: ты можешь угадать завязку, но финал всегда застает врасплох. Причем так, что по коже пробегает мороз, а разум просто отказывается верить в происходящее.

С самого первого дня после перемещения Фэй Цзиншо то и дело сталкивался с глухой стеной отчуждения со стороны Вэнь Цзися и Фэй Вэйи. Поскольку он не был прежним хозяином этого тела, ранить его по-настоящему они не могли, но юноша часто задумывался: откуда в них эта холодность? Были ли они черствыми от природы, или общество будущего перекошилось в пользу дочерей, или он просто родился не в то время?

Но даже в самых смелых мыслях он не мог вообразить истинную причину.

— Какая радость в жизни ребенку, рожденному от насилия?

Каждое слово в отдельности было простым и понятным, но, собранные воедино, они никак не укладывались в голове.

Фантомная тупая боль, оставшаяся в теле от прежнего владельца, чудесным образом отступила, едва прозвучали эти слова.

Плод насилия...

Ха! Ха-ха! Ну и комедия!

Ради чего бы они ни затеяли этот разговор, теперь встреча потеряла всякий смысл. Фэй Цзиншо посмотрел на безмолвных родителей. Он замялся, но так и не выдавил ни слова.

— Уже поздно. Пожалуй, я пойду. Через пару дней пришлю вам рассаду капусты Муэр с моей фермы. Не забудьте забрать посылку.

Голос еще эхом вибрировал в комнате, а его уже и след простыл.

— Вэйи, я...

— Все хорошо, — отозвался муж. — Ты правильно сделала, что рассказала. Нельзя ведь было скрывать это вечно.

— Вэйи, ты винишь меня за то, что случилось тогда?

— За что мне тебя винить? Это я не смог тебя защитить.

— Знаю, я виновата перед мальчиком... Но каждый раз, глядя на него, я вспоминаю тот кошмар.

— Знаю. Тебе тоже пришлось несладко. Но парень уже взрослый. Не нужно больше навязываться ему. Захочет — сам вернется.

— Хорошо.

Пять часов обратного пути — срок немалый. Однако мерное шуршание шин беспилотника, негромкая музыка и пролетающие за окном пейзажи мало-помалу утихомирили бурю, поднятую словами матери.

Рожденный от насилия. Для Вэнь Цзися это клеймо позора, но в чем вина ребенка?

Если его появления никто никогда не ждал, значит, пора отпустить пустые надежды.

"Пора просыпаться. Жизнь идет вперед, и нам пора заняться делами на ферме".

Прижав ладонь к груди, Фэй Цзиншо почувствовал ровный, сильный стук сердца.

Раздался тихий сигнал — беспилотник прибыл на место. Фэй Цзиншо вышел из машины. При его приближении вспыхнули огни вывески.

Ферма Юцзянь

Мягкое мерцание переливалось в темноте, создавая сказочную атмосферу.

Юноша наконец-то улыбнулся.

"Вот мой настоящий дом. Здесь я и останусь".

Тихий шепот растворился в ночи, прозвучав как твердое обещание самому себе.

Поскольку вернулся он глубокой ночью, Фэй Цзиншо долго стоял на пороге, не решаясь войти на угожья. Время позднее, и людям, и растениям нужен покой.

Загнав машину в бокс, он дошел до дома, с наслаждением смыл дорожную пыль под горячим душем и, добравшись до кровати, мгновенно провалился в сон.

Но как бы он ни храбрился наяву, в глубине души — или, возможно, в памяти прежнего Фэй Цзиншо — все еще пряталась детская уязвимость. Она настигла его во сне.

"Зачем я вообще появился на свет?"

"Почему меня никто не любит?"

"Да, мое рождение не принесло никому радости, но я ведь так старался заслужить вашу любовь!"

"Я ведь любил вас. Всегда любил".

"Почему даже приемышу досталось больше тепла, чем мне?"

"Мне так больно..."

"Но разве вам есть до этого дело?"

Небо затянуло тучами, накрапывал дождь. Мелкие капли с тихим перезвоном стучали по защитной пленке парников.

— Так вот какой он, дождь? — Сяо Цин горделиво зашуршал листьями. — Мои прапрадеды рассказывали, что в их времена никто не прятал растения под куполом. Солнце, ливни, ураганы — они со всем справлялись сами. Фэй Цзиншо, скажи ведь, мои предки были настоящими героями?

— У Землячка предки тоже были сильными! — тут же раздался тонкий девичий голосок Сяо Ту, не пожелавшей оставаться в тени.

Фэй Цзиншо окинул взглядом посадки, которые под глухой стук дождя казались еще зеленее, и с улыбкой приподнял бровь:

— Твои предки и правда были крепкими ребятами, Сяо Цин. Боролись со стихией не на жизнь, а на смерть, а потом...

— Что «потом»? — нетерпеливо встрепенулся Сяо Цин, заметив паузу.

—...потом их срезали, тушили с мясом, бросали в хого или варили в супах. И шли они по рублику за пучок на каждом углу.

Капуста и картошка дружно замерли.

"Какие же жуткие существа эти древние люди! И почему мы стоили так дешево? Рубль — это наверняка сущие гроши!"

Фэй Цзиншо не смог сдержать улыбки, глядя на поникшую листву своих питомцев.

Растения были настолько живыми, а будни фермера — настолько размеренными, что подначивать эту парочку и наблюдать, как они сдуваются от обиды, стало его любимым развлечением.

И сколько бы Сяо Ту и Сяо Цин ни обещали себе не поддаваться на провокации, они всякий раз наступали на те же грабли — идеальный пример неисправимых оптимистов.

После тяжелого визита к родителям пролетела неделя. На следующий же день Фэй Цзиншо отправил им обещанные пятьдесят саженцев капусты Муэр, и на этом их общение прекратилось. Вырастут они или завянут — его больше не заботило.

"Пора их подбодрить", — подумал он, чувствуя, что игра затянулась.

Тишина на грядках стала почти осязаемой. Фэй Цзиншо поднялся и направился к Сяо Цину.

Утешать обиженных питомцев он научился мастерски — дело секундное.

Однако, приблизившись к Сяо Цину, юноша резко посерьезнел. Веселье как рукой сняло.

Капуста всегда отличалась буйным нравом и отменным здоровьем, и фермер давно не осматривал ее детально. Но сейчас, глядя сверху вниз, он заметил пугающую перемену. Стебель Сяо Цина по-прежнему оставался мощным, но сочные зеленые листья подернулись грязно-желтой сухостью.

Понять состояние растения можно было и без детекторов-щупов. Насыщенная зелень — признак силы, крепкий стебель — хорошего питания. Желтизна и серый налет означали лишь одно...

— Эй, ты чего завис? — подал голос Сяо Цин. Слова звучали задорно, но в его движениях сквозила слабость. Прежние хлесткие удары превратились в бессильное шуршание. — Даже не думай, что я так просто тебя прощу. Честь моих предков бесценна!

— Да что ты вылупился? Ладно, признаю, я чертовски хорош. Если извинишься еще разок, так и быть, сменю гнев на милость.

— Сяо Цин... у тебя что, началось увядание?

Тихий, охрипший голос Фэй Цзиншо разорвал тишину фермы.

<http://bllate.org/book/18999/1973580>